

Тимур Суворов

Необыкновенные
приключения
Шустрика,
героя Мяукии

Кошка — существо весьма независимое. Способна ли она на подвиг ради хозяина? Герой этой книги неопровержимо доказывает: да, и еще на какой подвиг! Кот по имени Шустрик отправляется вслед за своим Другом на край света — в далекий Китай. Его ждут дикие леса, новые знакомства, напряженные схватки с коварными крысами... Удастся ли отыскать Друга? «Необыкновенные приключения Шустрика, героя Мяукии» — повесть о верности и благодарности, о храбрости и жертвенности, о любви и, конечно же, о настоящей дружбе.

Тимур Суворов

Необыкновенные приключения Шустрика, героя Мяукии

*Всем котам и
кошкам мира
посвящается*

*Человек культурен
настолько, насколько он
способен понять кошку.*

Бернард Шоу

Вступление

Эту невероятную историю, о которой пойдёт речь в данной книге, мне рассказали знакомые любители животных. Случилась она с одним самым обыкновенным котом по имени Шустрик...

Стоп! Кажется, я уже написал что-то не то...

С *обыкновенным* котом?

Пожалуй, нет.

С *весьма необыкновенным*.

И опять — нет. Речь пойдёт о самом необыкновенном коте на свете!

«Почему?» — спросите вы.

Судите сами...

Все началось с того, что котенок Шустрик, который родился и вырос в Москве, встретился в этом замечательном городе с человеком, ставшим для него не просто любящим Хозяином, но и настоящим Другом.

Казалось, их Дружба будет длиться вечно.

Но Друг уехал на время в Китай, и тогда Шустрик... решил отправиться следом за ним. Знакомые рассказали мне, что кот вероломно покинул квартиру невесты Друга.

Обуреваемый любопытством, я спросил, что было дальше, и получил несколько версий, настолько противоречащих одна другой, что решил провести собственное расследование, итогом которого и стала эта книга...

Не буду рассказывать, как мне удалось получить исчерпывающие сведения о походе Шустрика вслед за хозяином. Пусть это останется моим секретом... Но — чего только я не выяснил!

Например, что Шустрик, оказавшись один-одинёшенек в Москве, встретился с котами-добровольцами, продолжавшими многовековую борьбу с крысами, и возглавил отряд кошачьего ополчения, одержав ряд запоминающихся побед.

Что потом он тайно сел на грузовой поезд

«Москва — Чита». На нём Шустрик проехал всю Россию, а потом пересёк (не имея с собой ни одного документа) государственную границу с Китаем.

Что в маньчжурской тайге он спас от верной смерти загадочную Кузину, которая в благодарность помогла ему попасть в таинственный кошачий город...

Впрочем, не буду забегать вперёд! Я думаю, вы уже и так видите, почему Шустрика ни в коем случае нельзя назвать обыкновенным котом. И я прекрасно понимаю, что людям, незнакомым с ним лично, поверить во все описанные здесь события практически невозможно. Но всё же...

Глава первая. В Мьяурсии. Война в Мьяускве

Мяуки были застигнуты врасплох! Отборный отряд сыроедок, воспользовавшись подземными туннелями, которые были заблаговременно вырыты с соблюдением строжайшей секретности, бесшумно и в считанные секунды заполнил собой всю территорию помойки. Ликвидировав старого дряхлого часового, враги бросились на мусорные контейнеры, где в тот момент работали пушистые чиновницы департамента провизии. Те, весело мурлыкая, спокойно собирали еду для ополченцев западного округа. Нападение было неожиданным

настолько, что мяучки не смогли спастись бегством. Они едва успели забраться на крыши баков...

Шустрик догадывался о предстоящей крысиной диверсии. Насчет туннелей, правда, он совершенно ничего не знал. Но накануне вместе со своим отрядом он занял стратегически выгодное положение неподалеку от места ожидаемого нападения.

Услышав крики чиновниц, он осмотрелся и все понял. Для правильной оценки ситуации молодому и смышленому мяуку хватило двух секунд. Он дал знак товарищам, и те неслышно окружили противника.

— Сдавайтесь, подлые мяучки, — зловеще верещали ничего не подозревавшие сыроедки. — Если сдадитесь, будете съедены быстро и практически без мучений! Но, если не сдадитесь, пеняйте на себя! Вас ждут страшные пытки. Мы будем есть вас медленно, кусочек за кусочком! — облизывались они.

— На помощь! — в ужасе кричали мяучки. — На помощь!!!

Шустрик дал знак. Это был призыв к атаке.

Закаленные в уличных боях мяуки действовали быстро и решительно. Схватка была недолгой. Из вражеского отряда не спасся ни один солдат. Тогда Шустрик, отправив чиновниц обратно

домой под усиленной охраной, велел бойцам уходить — враги могли вернуться с подкреплением.

На другой день Шустрик и его соратники, как обычно, сидели в излюбленном ими подвале и обсуждали неожиданную активизацию сыроедок, возникшую на западном фронте. Вдруг в окошко один за другим запрыгнули четыре мяука. Шустрик с недоумением посмотрел на незваных гостей, но его друг Лохмач тихонько мурлыкнул: «Все в порядке. Это «регулярники». Видимо, хотят с тобой переговорить».

Представители сил регулярного ополчения, и правда, много слышали о добровольцах, ведомых загадочным Шустриком, и решили, наконец, лично познакомиться с этим славным мяуком, дабы объединить усилия для окончательной победы над врагом.

Парламентеры сели, обернувшись хвостами, и громко поприветствовали добровольцев.

— Можем ли мы поговорить с Шустриком, братья?

— Это я, — сказал он.

«Регулярники» с уважением посмотрели на героя.

— Тебя зовет в гости наш вожак.

— Мне приятно это слышать. Но со мной, если вы не возражаете, пойдут и мои друзья.

— Мы будем рады им. По случаю знакомства

состоится пир! — похвастался один из послов.

Дорога заняла немного времени. Штаб западного фронта, как и штаб Шустрика, располагался в подвале одного из домов, построенных Друзьями.

В подвале было немного сыро, но просторно и уютно. Хорошенькие мячки готовили угощение, молодые ополченцы точили когти, старые — умывались. Вожак, чтобы показать гостям всю глубину своего уважения, ожидал их у самого входа. Это был немолодой, испещренный боевыми шрамами сиам.

— Как тебя зовут, доблестный воин? — спросил он у Шустрика, запрынувшего в помещение первым.

Шустрик представился. Среди ополченцев, стоящих рядом с вожаком, раздалось одобрительное мяуканье. Всем была известна история вчерашнего сражения у мусорных баков. Вожак внимательно рассматривал Шустрика. «Так вот он какой! Черный, с большими зелеными глазами, сильными лапами! Гм.»

— Меня зовут Карась, — сказал он. — Без лишнего мурлыканья, перейду сразу к делу. согласишься ли ты воевать с нами вместе?

— Мои ребята с радостью присоединятся к вам. Но я, к сожалению, не могу. Я должен идти в Мяукитай, в город Друзей под названием

Мяухарбин.

— Ты должен идти в Мяукитай? Так далеко? — изумился Карась.

Регулярники дружно встопорщили усы и стали переглядываться. Честно говоря, не все из них знали, что это за место и где оно находится. Но, судя по всему, Мяукитай этот был действительно неблизко. Может быть, даже за пределами Подмяусковья! Идти туда? Это было выше их понимания.

— Да, — твердо ответил Шустрик.

— Зачем? — хором в изумлении спросили они.

— Там сейчас мой Друг!

Мяуки были вторично потрясены. Идти в загадочный Мяукитай! Да еще за каким-то Другом! Невероятно!

— Как думаешь, Шустрик врет? — тихонько мурлыкнул один боец другому.

— Нет, вряд ли, — тот с сомнением повилял хвостом. — Какой ему резон?

— Ты хоть знаешь, где находится Мяукитай? — продолжал допытываться командир.

— Далек на востоке, — вздохнул Шустрик.

— И ты пойдешь туда за Другом? За Другом? — вздыхали и охали все обитатели подвала.

Карась понял, что такая реакция может

обидеть его гостя. Он изогнулся и коротко зашипел на своих подначальных. Те мигом затихли.

— Прости наше недоверие, — обратился Карась к Шустрику. — Но, ты сам понимаешь, это так... необычно.

— Да, я пойду за Другом! — голос Шустрика был очень спокойным. — И я не обижаюсь, все нормально.

— Мы слышали, что восточнее Мяусквы некоторые районы захвачены вражескими крысиными отрядами, много диких гавков, путь опасный... — проговорил Карась. Он не пытался уговорить Шустрика остаться, нет. Просто излагал свои соображения.

— Да, все верно. Поэтому мне понадобится помощь, и я хотел бы попросить о ней.

— Чего ты хочешь?

— Кто из ваших знает надежный путь до Мяукитая?

Вожак задумался на мгновение.

— Я понял, как тебе помочь. Есть у нас тут несколько мяуков из других районов Мяуроссии — с великой воды, Друзьями называемой Мяуволгой, с Мяурала, один даже из Мяусибири. Они переехали в Мяускву вместе с Друзьями. Надо посоветоваться с ними. Но скажи мне, почему ты решил отправиться за Другом? Ты не хуже меня знаешь, как Они к нам относятся. Для Них мы —

всего лишь живые игрушки.

Все «регулярники» наострили уши.

— Я хочу Ему доказать, что не только гавки, но и мяуки могут быть верными. И еще... Ведь Он — мой Друг! — в голосе Шустрика было столько любви, что мяуки поняли — он пойдет в Мяукитай, даже если все сыроедки мира встанут на его пути, а все гавки будут гнаться за ним по пятам... Ополченцы замолчали.

— Да помогут тебе духи предков, — тихо промолвил вожак. — Я чувствую, ты знаешь, что делаешь. Конечно, сейчас нам особенно трудно. Многие мяуки ни на что не годятся, кроме как развлекать Друзей. А на востоке особенно трудно. И... мне жаль, — грустно говорил вожак, — Мне жаль, что столь отважный и преданный Делу боец покидает нас. Но у тебя очень благородная цель. Готов ли ты?...

— Да! — твердо ответил он.

— Мяуки, — обратился вожак к ополченцам. — Мяуки, давайте пожелаем доброй дороги нашему брату, который решил отправиться в Мяукитай. Вы все теперь знаете, что у него там очень важное дело.

Мяуки стали подходить один за другим.

— Удачи! — коротко бросил потертый жизнью и боями ополченец — ветеран западного фронта.

— Спасибо!

— Пусть в путешествии тебе помогают острые когти и свирепые зубы, чуткое ухо и зоркий глаз. Круши врагов там, где будешь, и пусть всегда рядом с тобой будут верные друзья, — задорно мяукнул новобранец — молодой сибирский мяук с рыжими пушистыми бакенбардами.

— Спасибо, братишка!

— Помни, ты — мяук! Будь мудрым, и всегда следуй заветам наших предков, — почти зарычал другой суровый ветеран, лишившийся в битвах правого глаза и половины левого уха.

— Я помню! — улыбнулся Шустрик.

Все мяуки подходили один за другим и искренне желали Шустрику доброй дороги.

Наконец к нему подошла белая с черными пятнами мяучка, которая особенно пристально и нежно вглядывалась в его зеленые глаза.

«Да это же моя мяума! Мяума!!!» — узнал ее Шустрик и громко замурлыкал от радости. Его лапы чуть не пустились в пляс. Как он мог надеяться на такую встречу? Ведь он лишился ее в тот самый момент, когда Друг — хозяин мяумы — посадил его в корзинку и отнес на птичий рынок...

Долгие месяцы разлуки несколько не изменили ее. Она по-прежнему была сильной, красивой и мудрой мяучкой. Подойдя, она ласково и внимательно посмотрела на него. Шустрик понял

— мать не только любит его как сына, но и уважает его желание отправиться в далекий и опасный путь.

— Мой маленький сынок, — замурлыкала она. — Мой любимый мяученок! Мне так жаль снова расставаться с тобой, едва встретив... Но у нас впереди еще целый вечер, ты расскажешь мне обо всем... И я верю — ты справишься с тем, что задумал. Я всегда верила в тебя.

— Спасибо, мяума, — прошептал он. — Не забывай меня.

— Никогда не забуду. Ты всегда в моих мыслях и снах. Мой сын...

Шустрик почувствовал в ее словах гордость за него. Ему стало настолько приятно, что он тихонько замыкал.

Вожак растроганно смотрел на них. Он понимал, что шансов на благополучный исход не так уж и много, и наблюдать сцену прощания матери с сыном-патриотом было грустно, но он смотрел и думал: «Именно такие ребята-победители и сокрушат крысино-мышиное иго. Обязательно. И кто знает, может его путешествие... это шаг к исполнению пророчества? Так ли?... Да!.. Это возможно!»

Глава вторая. Пир

— А сейчас, братья, время пира! — крикнул

Карась.

Он сделал знак, и молоденькие веселые мяучки пригласили всех « за стол » . Бойцы радостно замурлыкали и бросились на угощение.

Чего там только не было!

Свежая сметана в криночках, с большим трудом добытая на Дружеском рынке. «Вкуснотища!» — урчали мяучки, с жадностью лакая, облизываясь и снова лакая.

Сочная крысятина — еда настоящих бойцов.

Корм Друзей. Неплохая штука, но больше для любителей... Таких оказалось довольно много.

Похищенное у домашних гавков мяусо больших молоконосиц — мяучки смели все угощение подчистую.

Свежие птичьи яйца...

Для поклонников крепких напитков была приготовлена валерьянка.

В общем, пир на весь мяучий мир!

Шустрик уплетал крысятину и думал о том, когда он вернется домой и вернется ли вообще... Да и где был его дом?

«Дом для меня — это жилище моего Друга. Но найду ли я в Мяукитае Сашу? Обрету ли вновь свой дом? Вернусь ли когда-нибудь сюда?...»

Мать стояла рядом и внимательно смотрела на него.

— Да, — тихонько кивнула она. — Я знаю, о

чем ты думаешь... Ты вернешься!.. Только знай, мой сын — тебе будет трудно! Тебя ждет очень непростое путешествие. Тебе предстоят великие битвы... Ты встретишь свою любовь, у тебя родятся дети — мои внуки. Так сказала про тебя старая Мяукка. Я верю, в Книге судеб написано, что ты вернешься с великой победой и честью!

Мать смотрела на сына и размышляла о последней части пророчества Мяукки. Предательство, ловушка... Мяукка не смогла увидеть, выберется ли он из отчаянного положения с честью — или погибнет... Сказать или нет? Она смотрела на сына и понимала, что не может решить.

Среди мяуков, изрядно захмелевших от доброй старой валерьянки, раздались одобрительные возгласы. Все смотрели на хорошенькую мяучку, стыдливо прижавшую ушки, и громко мурлыкали, подбадривая это юное создание.

Она смущенно переминалась на лапках, то выпуская, то втягивая коготки.

— Ты не скажешь! Не скажешь! — дразнил ее молодой ополченец.

— Скажу! — взволнованно воскликнула она.

— Не скажешь!

Мяучка, горестно махнув хвостом напоследок, подошла к Шустрику.

— Дорогой Шустрик, — робко замурлыкала

она. — Меня зовут Буська. Вчера я была среди тех мяучек, которых вы спасли в сражении у мусорных баков. Если бы не ваши острые когти и зубы, меня бы с...съели вражеские солдаты. Вы... вы — мой герой. Я полюбила вас. Вот доказательство серьезности моих слов.

Сказав это, она, волнуясь, закрыла глаза и начала ласково и очень музыкально мурлыкать. Среди слушателей раздались восхищенные крики: это была Великая Песнь Любви, и она пелась только тогда, когда мяук или мяучка делали свой выбор супруги или супруга, а песню посвящали своему объекту любви.

Мать смотрела на сына. Она поняла — ей не нужно говорить о предательстве, возвещенном старой Мяуккой. Зачем уже сейчас сеять в его сердце семена подозрительности? Лучше однажды пережить предательство, чем провести всю жизнь в опасливом одиночестве... Нет, ни к чему мяукам знать свое будущее.

Растроганный Шустрик выслушал Песнь Любви, а потом подошел к Буське.

— Спасибо тебе, прекрасная мяучка, — от всей души поблагодарил он ее. — Я восхищен твоей красотой и талантом. И невыразимо благодарен тебе за Песнь Любви. Но... но впереди у меня долгий путь, и я не имею права подвергать тебя всем его опасностям. Я пойду один.

Возвращаю тебе твой дар. Это значит, что ты обязательно исполнишь Песнь еще раз — но для другого избранника.

Сказав это, он взмахнул хвостом. Буська горестно посмотрела на молодого и на редкость симпатичного героя и медленно пошла прочь. Внешне ей удалось сохранить достоинство (и даже удержать хвост трубой), но мяучка тут же поспешила уединиться: ей надо было поплакать немного и прийти в себя.

Тем временем к Шустрику подошли приезжие мяуки, спешно созванные Карасем со всех ближних районов. Сами они никогда не путешествовали в Мяукитай. Один приехал с Мяуволги, другой — с Мяурала, третий — из Мяусибири. Всех их объединяло одно: они побывали на железнодорожном вокзале. Видимо, начинать путь следовало оттуда. Один из мяуков также слышал, что самый лучший способ добраться до Мяукитая — ехать на товарном поезде, через далекую Мяусибирь. Потом пересечь границу Мяуроссии с Мяукитаем. Она находилась где-то там, недалеко. Ну а потом — пешком, до самого Мяухарбина.

— Значит, первый шаг — добраться до железнодорожного вокзала?

— Да. А второй — встретиться с местными мяуками. Они подскажут, что делать дальше.

Шустрик посмотрел на отдохавших бойцов.

Одни лежали на спине и довольно мурлыкали, другие неторопливо смаковали валерьянку. Третьи неспешно беседовали. Четвертые спали.

«Эх... Вот бы остаться здесь, с ними... И все-таки — пора!»

Шустрик решил попрощаться. Товарный поезд ждал его где-то там, в недрах загадочного «вокзала».

— Братья, — громко мяукнул он, подняв хвост и повертев им в воздухе. — Братья! Я желаю вам победы. Верю, скоро наступит славное время, когда все мяуки земли будут счастливо жить как одна большая семья. Да здравствует Мяукия!

— Да здравствует Мяукия! Да здравствует Мяукия! Да здравствует Мяукия! — в едином порыве громко подхватили все.

Глава третья. Дорога и воспоминания

До Мяурославского вокзала Шустрика провожал вожак с эскортом из трех бойцов. Они вышли из дома ночью, в излюбленное для всех мяуков время. Друзей на улице почти не было, зато собратьев они встречали постоянно и с их помощью к рассвету благополучно добрались до места назначения.

Мяурославский вокзал представлял собой нечто огромное, суетливое и шумное. Стояли и

отправлялись товарные и пассажирские составы. Громкий голос раздавался из ниоткуда, возвещая прибытие и отбытие поездов. Везде были Люди. Старые, словно сошедшие с ковчега Ноя и молодые, как лунный полумесяц. Довольные, как сытые мяуки, и мрачные, как голодные сыроедки. Старики и старушки. Мужчины и женщины. Мальчишки и девчонки. Все они были заняты переносом багажа, покупкой билетов и поиском потерявшихся родственников, а потому на Шустрика и компанию никто не обращал внимания.

Каждый из бойцов нес в зубах сочный кусок крысятинны — походный провиант путешественника.

— Они знают, что я должен прийти? — тихо спросил Шустрик Карася.

— Нет еще. Да ты не волнуйся — мы сейчас знак подадим.

Они негромко мяукнули, издавая условный сигнал, и через некоторое время их окружили силы местного мяучьего ополчения — пять тощих и довольно грязных мяуков. Узнав о цели Шустрика, ополченцы все ему подробно рассказали: когда прибудет его состав, какие продукты ему следует взять в дорогу, сколько будет ехать поезд, где именно он должен спрятаться...

— Помни — тебе предстоит длительный путь на восток, — напутствовали его боевые

товарищи. — По самым скромным прикидкам, тебе придется ехать несколько человеуческих дней. Ведь это Мяутрансиб! Но ты не бойся — еды хватит до Мяучиты. Вот с водой хуже, придется немного потерпеть... Если будет возможность, вылезай на остановках и ищи лужи. Только смотри, чтобы не опоздать потом и чтобы никто тебя не засек!

— Мяутрансиб? — переспросил Шустрик. «Странное слово!»

— Да, парень, Мяутрансиб, — засмеялись все. — Удачи.

Шустрик понял, что такое «Мяутрансиб» на своей шкуре в прямом смысле этого слова. Поначалу все шло неплохо. Он осмотрел вагон. Найти свободное место, спрятать провизию, подготовить все для ночлега оказалось делом нетрудным...

Потом поезд тронулся, и Шустрик заснул.

А что еще ему оставалось делать? Только спать. Он, конечно, периодически просыпался, съедал небольшую порцию крысятины, но затем сразу же укладывался снова.

Поезд ехал на восток. Все дальше и дальше.

Назойливый стук колес — ту-дун, ту-дун, ту-дун, ту-дун, ту-дун, ту-дун, ту-дун...

Мяу?

Отсутствие свежего воздуха...

Мяу...

Одуряющие запахи товаров Друзей!

Мяу!!!

И так минута за минутой, час за часом... Уже начинала мучить жажда, а остановок пока не предвиделось...

Ну когда же кончится эта нудная, долгая дорога?!

Потом воздух стал немного другим. Однажды он проснулся и почувствовал — все изменилось. Поезд замедлил ход и с долгим скрипом, похожим на стон, остановился. Шустрик осторожно протиснулся в щель в полу и оказался между огромными стальными колесами. На его счастье, была ночь. Он выглянул из-под вагона... Теплый ветер принес запахи незнакомых трав и животных. Звезды отражались в большой луже под насыпью (а может, это было маленькое озеро?). Никогда он еще не пил с таким удовольствием... В этой воде был и лунный свет, и привкус ночных приключений, и радость от того, что он, наконец, вновь ощутил лапами твердую землю...

Но путешествие продолжалось, и Шустрику по-прежнему оставалось только спать, просыпаться и снова засыпать... В перерывах между приступами дремоты он глядел в щель, где мелькали серые шпалы вперемишку со скудной зеленью, и думал про другую дорогу — ту дорогу, которую он уже прошел в своей жизни, совсем недолгой по

человеческим, да и мяучьим меркам... Он вспоминал все, что было с ним в детстве и позже, все, что привело его в этот вагон этого поезда... Давайте и мы вернемся вместе с Шустриком туда, куда возвращает только память — в прошлое... Думаю, путешествие будет увлекательным. Ведь я уже предупреждал, что речь идет о необыкновенном коте!

Этого, конечно, Шустрик помнить не мог, но мне известно, что он родился в ту самую мартовскую ночь, когда все мяуки, по традиции, должны были горестными воплями возвестить миру о великой трагедии — утрате Природного единства (о том, что такое Природное единство, вы узнаете позже).

Первыми воспоминаниями мяука были огромные глаза мяумы, ее шершавый язычок и вкусное молоко, которым она его кормила. Он лежал в коробке, куда его поселили Друзья, а под боком тихонько попискивали его братья и сестры.

— Спи, мой сынок, — тихонько мурлыкала мяума. — И пусть приснятся тебе хорошие сны. Про верных товарищей. Про добрых Друзей. Про вкусную рыбу и печенку. Про будущие победы на поле мяучьей брани. Спи. Когда ты вырастешь, то станешь сильным мяуком. Ты научишься сражаться. Научишься держать свое слово. У тебя появится любимая, родятся дети. Мой маленький,

мой хорошенький мяученочек... Ты родился в очень важное время. Знай, что скоро, согласно пророчествам, наступит время восстановления Природного единства. Это такое время, когда все будут жить в мире и любви. Когда гавки не будут охотиться на мяуков, а мяуки на крыс. Когда постоянно будет тепло и солнечно. Спи, мой сыночек. И пусть тебе снятся сны про счастливую жизнь. Ты станешь взрослым, и ты вернешься ко мне. Я взгляну и вот — передо мной взрослый мяук. С сильными лапами. С мудрыми глазами воина, мужа, отца. И тогда я скажу себе — я вскормила настоящего мяука!

Через две недели мяученок уже мог сносно передвигаться. Он очень полюбил играть с братьями в прятки. «Как приятно жить», — весело думал он, прячась в первый раз от сестренки. — «Мир так прекрасен. В нем есть Друзья. Есть мяума. Есть братья и сестры. Есть молоко и смяутана.»

Он был самым ловким и подвижным среди мяучат, поэтому Друзья стали называть его Шустриком. Мяума последовала их примеру. Когда у мяуков есть Друзья, право давать имя всегда остается за Ними.

— Мои дорогие мяучата, — однажды сказала мяума. — Я расскажу вам о том, кто вы. Вы — мяуки. Вы принадлежите к цивилизации столь же

древней, как цивилизация Двунюгих Бесхвостых, иначе называемых Людьюми. В мире вообще много живых существ, кормящих потомство молоком. Наиболее развитые из всех — мы, гавки и люди. Два слова о последних... Двунюгие Бесхвостые, или, как Они себя называют, челоуяуки — наши Друзья и партнеры. Любите Их. Но будьте осторожны с потомством Друзей — они часто обижают нас. Не со зла, конечно, но все же держитесь от маленьких Друзей подальше. На третьем месте (первые два занимают челоуяуки и мяуки) по степени развития стоят гавки. С ними надо быть особенно осторожными. Они завидуют нам, мяукам, и всегда готовы обидеть нас.

— Почему, мяума? — спросил Шустрик. Он был единственный, кто внимательно слушал ее историю. Его братья и сестры уже отвлеклись и затеяли шуточную драку.

— Не знаю, сынок. Это пошло с самого начала. Никто не знает, почему они обижают нас. Просто обижают, и все. Но ты не волнуйся — мяуки умнее и хитрее.

— Мяума, — промурлыкал он, — Ты — самая лучшая мяума на свете. Как хорошо, что у меня есть ты. А кто мой паупа?

— Он погиб в неравной схватке с крысами, — помолчав, мяукнула она. — Пожалуйста, не спрашивай о нем.

— Почему? Тебе так тяжело?

Вместо ответа мать прижала сына к себе и тихонько замурлыкала колыбельную. Мяученка окутало приятное тепло, и он заснул.

Когда ему исполнилось два месяца, Друзья, в квартире Которых он жил, отнесли его на птичий рынок. Так называлось место, где самые везучие мяуки, гавки и другие четвероногие и пернатые обретали Друзей.

Кого там только не было!

Мяучье потомство в корзинах, маленькие гавки на привязи, кроляуки и попугаи в клетках... Мяученок понимал, что персы, ангорцы и сиамские мяучата выглядят гораздо интереснее, чем он, и у них больше шансов найти двуногого Друга. А что он? Да, хвост у него был довольно пушистый. Да, огромные глаза поблескивали весьма умненько. Но в остальном он был обычным черным мяученком.

На рынке было непривычно шумно. Языки зверей, людей и птиц смешались в один невообразимый гвалт...

— Персидские кошечки почти задаром! Эй, народ, налетай, покупай! — скандировала толстая Подруга, высоко поднимая маленькую хорошенькую персидскую мяучку.

— Даром? — обиженно шипела мяучка. — Меня — даром? Какая низость! Да я — находка для любого, кто согласился бы подружиться со мной!

Чего только стоит моя волнистая шерстка! А мой курносый носик!..

— Молчи уж, презренная поедательница мышей, — задорно пролаял маленький черный пудель — гавк. — Ты — жалкое создание, которое ни на что не годно! То ли дело мы — гавки! Мы — сила! Мы всегда рядом с Друзьями. Не зря они считают нас своими лучшими товарищами.

— Это вас-то? — не осталась в долгу мяучка. — Вас, блохастых? Да что вы можете? Только впустую бегать за нами да драпать от диких гавков-воляуков куда подальше.

Началась свара.

Мяуки кричали, что гавки — жалкие, ни на что не годные создания. Гавки лаяли, что это мяуки — недоделанные животные, которые только и способны на то, чтобы воровать у Друзей молоко и сосиски.

— Да угомонитесь вы, — высказался, наконец, гавк-ризеншнауцер с печальными глазами, — В конце концов, это невыносимо. Сейчас мы все в одинаковом положении. Что толку спорить и лаяться всем на потеху? Лучше успокойтесь и не обижайте друг друга.

— Ты справедливо говоришь, о достойный гавк, — уважительно заговорил старый бульдог, пришедший вместе с хозяином, чтобы купить птичью клетку. — Да... Но что с тобой случилось,

поведай?

— Мой Друг уезжает, — коротко ответил ризеншнауцер. — А меня продает, потому что никто из его родных взять меня не хочет.

— Как грустно, — замыкала сиамка, — Подумать только, ведь нас всех может постигнуть та же участь. Даже если сейчас мы обретем Друзей, потом мы снова можем их потерять!

— Ваше будущее не так плачевно, как мое, — пожаловался кроляук. — В худшем случае вас выкинут на улицу, то есть на свободу, а меня... — голос его задрожал, — Меня убьют и с...с...с...съедят.

Шло время, и нашла себе Друга персидская красавица. Ее увидела маленькая Подружка с большой косой, и упросила маму взять мяучку. Шустрик искренне порадовался за нее.

Гавка-ризеншнауцера пожалела и взяла молодая пара Друзей.

Потом крупный и солидный Друг взял кроляука.

Потом одного за другим Друг Шустрика отдал всех его братьев и сестер.

Наступил вечер...

На рынок уже практически никто не заходил, и среди оставшихся животных воцарилось уныние — Друзья на сегодня закончились. Мяуки и гавки переглядывались и думали — что теперь? Что с

ними будет? Никто не знал, и всем стало тревожно.

Его Друг то и дело поглядывал на часы. Сегодня у Него еще были дела, и Ему совсем не хотелось торчать на рынке до ночи. Взглянув на котенка, Он решил: еще полчаса — и все. Котенка Он выбросит на помойку, а дома соврет, что раздал всех.

Как и у всех мяуков, способность мяученка понимать все, происходящее в «Дружеском Мире Сознательного и Подсознательного», была феноменальной. Если бы ему сказали, что в далеких чужеземских странах по поведению его собратьев Друзья определяют приближение землетрясения, он бы очень удивился — почему только землетрясения? Он, например, безошибочно угадывал изменения погоды, намерения Друзей, о чем Они говорят, и даже иногда — о чем думают. Он совершенно точно знал, что его бесхвостый Партнер хочет от него отделаться.

Самое лучшее, подумал он, сейчас удрать. Иначе жди беды. Мало ли, какие неприятности поджидают его на помойке. Там, может, сыроедки водятся... На его счастье корзина, где он находился, была приоткрыта. Мяученок понял — надо ловить момент.

Друг спокойно стоял рядом с корзиной. Он засунул в рот палочку с неприятным запахом, поджег ее и стал втягивать в себя дым. Шустрик

был очень умным мяуком, но не мог сообразить, зачем Друзья это делают. «Может, чтобы согреться?» — подумал Шустрик. — «Но много ли тепла от одного маленького огонька? Друзья такие странные... А теперь — пора!»

Дымящий Друг, зевая, отвернулся, и Шустрик выскочил из корзины, изо всех сил устремившись к свободе. Несколько секунд, и он уже был за оградой птичьего рынка. Мяученок огляделся — побег прошел удачно. Никто ничего не заметил. «Друг очень удивится, когда повернется и не найдет меня в корзине. Но что мне иначе было делать — ждать, пока от меня избавятся?... Нет, уж лучше я сам пойду навстречу своей судьбе...»

Глава четвертая. Свобода

Итак, Шустрик был свободен.

Теперь весь мир принадлежал только ему.

Кучерявые облака и птицы в небе.

Зеленая трава, дома, Друзья, вкусные мыши где-то там, в подвалах...

Полнота Жизни...

Все, абсолютно все было добрым и красивым.

И оно здоровалось с ним: — «Привет тебе, мяученок!»

«Здравствуй, Жизнь!» — довольно жмурясь, отвечал Шустрик и бежал просто так, без цели,

радуясь тому, что теперь можно бегать, сколько захочешь...

Наконец, он немного устал и остановился, чтобы осмотреться.

Вдоль темных и грязных дорог росли огромные растения, которые Друзья, как впоследствии узнал он, называли деревьями. Там же стояли палки с зажженными огнями, от которых шел искусственный свет. Они назывались фонарями. Шустрик задрал голову — какие высоченные жилища!

«Но почему все настолько серое? Почему так мало красок?»

А Люди?

Некоторые торопливо шли, втягивая в себя дым от зажженных палочек. Других немного покачивало. Шустрик догадался — это из-за холодного ветра. Гавков, к счастью, не было. «Надо составить план действий — решить, куда идти. И как можно скорее найти себе Друга». Он остановился и начал думать. «Самое лучшее, пожалуй — идти на запах еды».

Поначалу пахло только отходами Дружеской жизнедеятельности.

Промелькнул неприятный запах гавков...

Наконец он нашел одно местечко, откуда смутно пахивало съестным...

Почему-то Друзья заходили туда на своих

двоих, а выходили, в лучшем случае, заметно качаясь. Один Друг даже вышел, как цивилизованный мяукопитающий — на четвереньках. «Странно», — в очередной раз подумал Шустрик. — «Почему Он передвигается не так, как все Друзья? А-а-а-а, я понял! Он просто любит мяуков и берет с них пример!» Он подбежал к Другу, умильно помахивая хвостом. Друг тем временем шел на четвереньках и громко пел. Язык человека казался мяученку нетрудным, но текст данной песни понять было совершенно невозможно... Друг был красивый, как и все Друзья. Без хвоста только. Но — что делать, никто не совершенен... Шустрик решил понаблюдать за ним. Вначале Друг кое-как полз на четвереньках, потом упал на землю и довольно захохотал. От него слегка несло мяусом (Шустрик облизнулся) и странным запахом, от которого у мяученка даже закружилась голова. «А-а-а-а-а, кажется, я понял! Он так сильно надыхался этим запахом, что сейчас у него очень болит голова. И поэтому Он забыл, что Он Друг, и думает, что Он мяук или гавк!» Как видите, Шустрик был очень умным мяученоком.

Тем временем «обретший цивилизацию» мяукообразный Друг привстал и заполз во двор одного высоченного жилища. К нему тут же подбежал гавк и принялся лаять. (Шустрика он, к счастью, не заметил.) Тогда мяукообразный Друг

вдруг принял решение все же быть гавком, а не мяуком. Шустрик понял это из того, что Друг стал лаять в ответ. Гавк растерялся и в испуге убежал прочь. Тогда хитрый гавкообразный Друг мяукнул и весело засмеялся. Шустрик с удивлением наблюдал за Его манипуляциями, совершенно забыв обо всем на свете. Таких цивилизованных Друзей ему еще не приходилось видеть. «Эх, везет же мяуку или мяучке, у Кого есть такой Друг!» — с завистью подумал он». Наконец к мяукообразному Другу подошла Подруга.

— Опять накачался, потомок гавки! — закричала Подруга. Шустрика удивил ее возбужденный тон. К тому же, он просто не понимал большинства слов. Они, с его точки зрения, не имели никакого смысла. Он не мог понять, почему Она называла этого человека разными необычными именами.

«Как странно Она про Него думает и говорит... Почему у Нее все мысли только о деньгах?» Деньгами Друзья называли волшебные разноцветные бумажки, которые Они могли обменять на что угодно. «Вот», — с удовлетворением отметил про себя мяук. — «Сейчас она думает о продуктах питания...» Внезапно он понял! Друг вместо продуктов питания купил и выпил жидкость со странным запахом, благодаря которой «обрел цивилизацию». А

Подруга хотела, чтобы Он достал продуктов. Она, видите ли, к ним питала преступную слабость. И теперь Она очень расстроена и называет Друга потомком гавки.

Мяукообразный Друг и Подруга, немного покричав друг на друга, встали (Подруга помогла Другу подняться), и через несколько минут пришли в огромное жилище, где была лестница и много большущих коробок, которые Друзья называли квартирами.

Внутри жилища было грязно и сыро. Шустрик, который пошел следом, с удовлетворением отметил, что запах мяуков в жилище гораздо сильнее запаха гавков. Еще пахло вареным в горячей соленой воде мяусом и молоком. Друзья поднялись по ступенькам, открыли дверь в жилище поменьше, в квартиру то есть и... Шустрика ждало жестокое разочарование! Навстречу Друзьям выскочил маленький мохнатый гавк. Шустрик с безграничной тоской посмотрел на счастливца. Ему стало окончательно понятно поведение цивилизованного Друга. Вот от кого Он научился ходить на четвереньках и лаять...

Удар фортуны оказался настолько сильным и болезненным, что Шустрик тихонько замяукал. Как горько! Такой цивилизованный Друг, а рядом с Ним... гавк. Странно! Обидно! Противоестественно до абсурда! Само сочетание слов казалось нелепым.

Друг и гавк вместе! Ну почему судьбе было угодно так жестоко пошутить над ним?

«Мяяяяяяууу!»

Тем временем из другой квартиры вышла старенькая Подруга с ведром мусора. Следом за ней выбежал пушистый серый мяук.

— Ах, ну куда ж ты опять побежал, негодник! — увидев «преступника», запричитала пожилая Подруга. — Вот сейчас вернусь и задам тебе перцу...

Она, охая, пошла с ведром вниз по лестнице.

Через секунду серый мяук оказался рядом с тоскующим Шустриком.

Он оглядел горемыку. Перед ним был маленький и черный как смоль мяученок с большими зелеными глазами, в которых сверкал незаурядный для его возраста ум.

Шустрик тоже рассмотрел мяука получше. Крупный, упитанный, весь серый, но спина потемнее живота, а глаза желтые.

— Привет тебе, братишка. Что плачешь? — спросил незнакомец.

Шустрика тронул участливый тон мяука.

— Здравствуй. Да вот, понимаешь, я тут пошел за одним цивилизованным Другом и...

— «Цивилизованным Другом»? — удивленно переспросил серый мяук.

— Да.

— А почему ты считаешь Его цивилизованным?

— Ну, как... — принялся объяснять Шустрик. — Я шел по Дружеской дороге, и тут увидел, как Он вышел из одного жилища на четвереньках. Он еще потом с гавком пытался разговаривать, а еще Его Подруга назвала потомком гавки. Он веселый такой.

— А-а-а-а, — протянул серый. — Понятно... Как тебе объяснить... Этот Друг вовсе не цивилизованный. Он просто выпил много челявчешеской валерьянки. Обычно Друзья так себя не ведут. Я знаю, кого ты имел в виду. Это наш Сосед. Да-а-а-а. Вот не люблю я, как честный мяук, гавков, но бедолагу, живущего по соседству, даже жалею.

— Как это? — удивился Шустрик. — И кстати, мы не познакомились. Как тебя зовут?

— Узик. А тебя?

— Шустрик.

Мяуки потерлись головами в знак взаимного уважения.

— Ты есть хочешь? Какие у тебя планы? — спросил Узик.

— Да, хочу, еще бы — с утра во рту даже мышиноного хвостика не было! А планы... Ищу вот себе Друга. Кстати, ты не рассказал, почему ты жалеешь соседского гавка.

— Та-ак... Чем разжиться, это мы найдем. Только потерпеть придется. Насчет Друга... Это посложнее. Но мы что-нибудь придумаем. А про соседского гавка я тебе как-нибудь потом расскажу — обхохочешься.

По лестнице поднималась сердитая старенькая Подруга с пустым ведром. Узик увидел ее и через секунду умильно мурлыкал возле двери.

Она тут же сменила гнев на милость.

— Ах ты мой хороший, маленький Узик, — ласково заговорила Она. — Любит маму, знаю, что любит. Ну, пойдем домой, мой мальчик. Будем кушать.

Шустрик с любопытством смотрел, как Узик, ласково мурлыча, позволил старенькой Подруге взять себя на руки. Дверь захлопнулась, и он остался один.

Тогда мяученок нашел укромный уголок, свернулся клубочком и заснул.

Проснулся он от вкусного запаха — рядом с ним стоял Узик, играя большим куском мяса.

Шустрик с урчанием бросился на еду. Узик снисходительно наблюдал за ним.

— Да ты, парень, я смотрю, любитель поесть!

— Спасибо, друг, — чавкая, невнятно мурлыкнул Шустрик. — Я голодный, ужас просто...

— Ты ешь, ешь.

Шустрик с благодарностью продолжил уплетать угощение. Наконец, он разделался с едой.

— Ну, друг, ты меня накормил! Вот спасибо, — Шустрик с уважением посмотрел на Узика. — Ты счастливчик, если тебя так каждый день угощают!

— Да, я устроился неплохо, — скромно согласился Узик, — Но мне скоро надо идти домой. Как же быть с тобой?

Он задумался.

Шустрик терпеливо ждал.

Наконец, Узик поднял голову.

— Есть один план... — задумчиво мяукнул он. — Смотри, твоя задача — караулить мою старенькую Подругу и бросаться ей в ноги каждый раз, как увидишь. А я сделаю вид, что без тебя не буду есть.

— Как это?

— Как только меня позовут на кормежку, я, вместо того чтобы бежать к своим мискам, встану рядом с дверью и буду отчаянно мяукать. Когда услышишь, мяучь так же громко, но жалобнее. Тогда Подруга, по моим расчетам, в конце концов, тебя пожалеет и возьмет к себе. Понял?

— Ну, Узик, да ты просто гениальный мяуцище! — впечатлительный Шустрик был в восторге.

— Да ладно! Мяуки должны помогать друг

другу. Мы же цивилизованные мляукопитающие, разве не так?

Глава пятая. Узик

Сказано — сделано.

Выходила ли Она в магазин, на рынок или в соседний двор к приятельнице — каждый раз Шустрик увязывался за Ней и горестными криками показывал всю отчаянность своего положения.

Вообще-то надо сказать, что стоило Ей только начать собираться на улицу — мяученок уже был начеку. Шустрик дожидался, пока Подруга появится на пороге, и начинал жалобно мяукать. Услышав сигналы «СОС», к делу подключался Узик и начинал выводить длинные и грустные рулады.

Совместный концерт удавался им на славу.

Если Подруга спускалась выбросить мусор — Узик немедленно выбегал из квартиры и присоединялся к несчастному заморышу, всем своим видом показывая, как он любит и ценит друга, оказавшегося в безвыходной ситуации.

Была ли Она дома — Шустрик, а следом и Узик начинали тихо плакать по разные стороны от двери в квартиру.

— Окаянные животные! — не выдержала, наконец, Подруга. — Мочи больше нету терпеть

ваши крики. Ну, так уж и быть, возьму я беспризорника, возьму!

Итак, они сумели убедить старенькую Подругу взять Шустрика, и вечером того же дня он, ведомый опытным гидом по имени Узик, дававшим краткие пояснения, с любопытством осматривал обретенный им новый мир.

Мир этот состоял из нескольких частей-коробок.

Некоторые коробки имели прозрачные участки. На языке Друзей они назывались окнами.

В передней части квартиры были высокие деревянные ящики, именовавшиеся шкапами. В них находились разные несъедобные штуки и тряпки, которые теплолюбивая Подруга всегда одевала на себя. Шустрик догадался, почему — у Друзей на теле не было шерсти. На голове, правда, у Нее росла длинная серо-белая шерсть, но это не мешало ей повязывать тряпки и на голову.

Еще была деревянная лежанка — кровать — с четырьмя ножками и мягкой подстилкой, на которой спала Подруга. Была деревяшка — журнальный столик — которая стояла на полу на четырех длинных палочках. На столике лежала тоненькая подстилка, на которой красовались искусственные несъедобные цветы и маленькая черная коробочка с кнопками. На коробочке лежала штуковина поменьше, которая соединялась с ней

странной курчавой веревочкой. Подруга часто подносила эту штуковину к голове и говорила с ней. Это называлось «болтать по телефону».

Рядом стояли другие деревяшки — стулья — со спинками и четырьмя подпорками у каждого...

Чего только не было в этом жилище! Шустрику трудно было сразу запомнить все названия незнакомых предметов и помещений.

Был, например, еще один столик, и на нем — гладкая и черная коробка, которая разговаривала и пела.

В этой части квартиры также имелась дверь, за которой была еще одна часть с прозрачной оградой. Там теплолюбивая Подруга сушила свои тряпки после полоскания их в воде (так она заботилась о чистоте, потому что вылизываться у нее совсем не получалось).

В «пищевой» части Шустрик обнаружил не менее поразительные вещи. Он узнал, например, что горячую и холодную воду челявюки берут из металлических трубок. Под этими трубками был небольшой дырявый поддон. Он с изумлением увидел, что Друзья держат мяусные продукты в громоздкой белой коробке, из которой веяло холодом, когда ее открывали.

На полу в этой «пищевой» части стоял еще один стол. Подруга часто сидела за ним и ела. Рядом возвышалась еще одна коробка — Подруга

брала из нее различные миски, а также малосъедобные вещи, которые она клала в воду, варила и ела. Не мяусо, но, по мнению Узика, вполне съедобно. Это была самая лучшая часть жилища — Шустрику она понравилась больше всех остальных. Узик, надо сказать, полностью разделял его предпочтение.

В другой части, относительно тесной, стояла большая, странного вида белая миска. Если Подруга нажимала на рычажок сбоку миски, то внутри нее начинался шумный водопад. Но чаще Подруга закрывала дверь, заходя в это помещение. «Человяуческий туалет», — объяснил Узик.

Что касается туалета для мяуков, то Подруга поставила коробку с маленькими деревяшками рядом со входом в жилье. За отправление естественных мяучьих потребностей в других местах Она сурово наказывала — бедная Женщина не понимала, что все мяуки должны метить свою территорию. Но Узик призвал Шустрика отнестись к этой проблеме философски и не обижаться на свою благодетельницу.

В назначении коробки, соседней с человяуческим туалетом, не возникало сомнений — там Подруга умывалась. Еще там стоял большой белый дырявый поддон, куда Подруга наливала воду, а потом мылась в ней сама или стирала тряпки, которые носила. Хоть Она и не подражала

мяукам в способах соблюдения гигиены, все-таки Подруга была чистоплотной, почти как настоящая мяучка. Шустрик оценил это сразу.

Еще одна дверь была всегда закрыта — Узик сообщил ему, что за этой дверью Подруга хранит всякий несъедобный хлам. Он не смог с уверенностью сказать, как называлась эта часть квартиры.

Для Шустрика было полной неожиданностью узнать, что Друзья часто сидят и смотрят в гладкую черную коробку, которая периодически становилась цветной и показывала других Друзей. Потом Друзья исчезали из коробки, что было ничуть не менее таинственно, чем Их появление.

Еще Подруга иногда сидела на кровати и рассматривала книгу без картинок, но с мелкими черными значками. Это называлось «читать».

— Скажи, Узик, ты ведь все знаешь — а зачем Подруга подсматривает за теми Друзьями в большом ящике? Они то появляются, то исчезают... Они там живут? А еще я там гавков видел и однажды даже мяуков! — Шустрика распирало любопытство.

— Если честно, я сам до сих пор не разобрался. Может, Подруга с ними общается через эту коробку? — протянул Узик.

— Может... Скажи, а зачем она разговаривает с черной штукой на курчавой веревочке? Ты еще

сказал — это называется болтать по телефону?

— Да кто их, челяукув, знает?

— Знаешь, Они иногда вызывають форменное недоуменение!

— У меня тоже, — честно признался Узик. — Я уже давно живу на белом свете, долго с Подругой, но до сих пор дивлюсь. Если коротко, Их цивилизация сильно отличается от нашей...

Тут Шустрик вспомнил, что Узик как-то обещал ему рассказать про мяукообразного Друга и Его питомца.

— Скажи, а помнишь, мы тогда говорили про соседского гавка...

— А-а-а-а, — весело фыркнул Узик. — Да... Ну, слушай короче. Друг, живущий по соседству, очень любит челяуческую валерьянку. Его все называют «алкашом». То есть, это такой Друг, который не ходит на работу, а вместо этого пьет челяуческую валерианку. Пьет ее и потом очень странно себя ведет. Это называется «надраться до свинячьего визга». Кстати, многие Друзья после этого напитка ведут себя странно... А наш Друг... Один раз я видел, как Он выбежал из жилища без тряпок, которые Друзья обычно носят на себе, и давай танцевать! Его Подруга к Нему подбежала и начала с ним заигрывать — говорит что-то громко, стучает Его — приглашает, наверное, к общению. А потом игриво так схватила Его за шерсть на голове.

Друг руками машет, поет, танцует, кричит радостно! Подруга поет тоже и шерсть из Его головы выщипывает... А соседский гавк... Ему живется не так уж и весело... Короче говоря, он не получает положенную по закону еду... В это трудно поверить, но это правда. Парень голодает. Я однажды даже подкинул ему мяуса из своей порции — бедняга от радости чуть с ума не сошел.

Шустрик был потрясен. Известный всем цивилизованным мляукопитающим Закон Обязательного Кормления (ЗОК) предусматривал, что Друзья, вступающие в равноправные партнерские отношения с мяуками или другими четвероногими, обязаны были делиться с ними своей едой. Мяуки за это должны были создавать уют в жилище, где они обитали вместе с Друзьями. На досуге они могли немного повоевать с мышами и сыроедками. Гавки же стояли за поправку к закону: партнеры также обязаны защищать друг друга. Эти хитрые подобострастные мляукопитающие стали делать вид, что защищают Друзей и Их имущество. Но всем было известно — мяуки отказались принять эту поправку на второй и последней всемирной гавко-мяучьей ассамблее, а потому она считалась неутвержденной.

Закон Обязательного Кормления был так же непреложен, как и то, что все мяуки имели хвост, а крысы — мерзкий характер. И вот, вместо

исполнения Закона, обязательного для всех, Друг без тряпок и без шерсти стоит и поет, как ни в чем не бывало, и рядом с ним стоит Подруга, свирепо выщипывающая шерсть у Него на голове! Да... А злополучный гавк не получает ни кусочка мяса, положенного по закону. Воистину, в жизни столько несправедливости...

Узик многому научил своего друга — он рассказал ему все, что сам слышал когда-то от своего дедушки — мудрого Тигрика.

Шустрик удивился, когда узнал, что было время, когда все мляукопитающие жили в мире и согласии. Это было славное время Друга всех Друзей и мяуков. Именно Он, как объяснил Узик, создал Друзей, а также мяуков, гавков и даже крыс. Ну, и других мляукопитающих тоже... Тогда мяуки не охотились на мышей и не враждовали с гавками. Вообще никто ни на кого не охотился — Друг всех Друзей и мяуков, создал животных добрыми и миролюбивыми. А Друзья мудро правили мляукопитающими, понимали и берегли их. Именно это благословенное время и называлось временем Природного единства...

Но хитрый и подлый Змей обманул Подругу — Прародительницу всех Друзей, и все изменилось. Пришло зло. Человяуки перестали слушаться Друга всех друзей и мяуков — Змей научил их поступать во всем по-своему, никому не подчиняясь.

Природное единство нарушилось... Теперь каждый был сам за себя. Тогда-то и стали гавки охотиться на мяуков, а мяуки — воевать с сыроедками и поедать мышей. Мир становился все хуже. Потом на землю, в ответ на зло, царящее на ней, пришла Великая Вода. Все утонуло. Только один мяук с мяучкой спаслись в огромной деревянной коробке, которую построил Друг с белой шерстью на лице. Он, кстати, тоже спасся со Своими Родными, ну, и других животных с собой захватил, по паре. От этих пар пошли все современные мляукопитающие. Нельзя сказать, что они сильно исправились, но все же Великая Вода стала для всех уроком... Мяуки вновь населили землю и образовали свое собственное государство — великую Мяукию. Во главе Мяукии встал выбранный единогласно легендарный монарх Шмяук Первый. Его все называли Ваше Мяучее Кусачество. Великая Мяукия была страной, где все жили по Закону взаимного расположения. Он гласил — все должны быть друзьями друг другу. И Закону этому все подчинялись. Самый завалыщий мяук мог рассчитывать на то, что рядом с ним всегда будут хорошие товарищи...

С самого начала образования государства между сыроедками и мяуками началась жестокая война. А надо сказать, что сыроедки со времен Природного единства испортились больше других

созданий. Они исполнились ненавистью ко всем прочим существам, особенно много вреда принося Друзьям и мяукам. Поначалу Шмяук Первый и его потомки громили полчища сыроедок, но потом случилась Катастрофа. Между мяуками пронесся ложный слух (скорее всего, его пустили те же сыроедки) что Друзья их предали и вступили в тайный союз с крысами, чтобы уничтожить Мяукию. Этот слух парализовал волю бойцов, и великая Мяукия пала.

Потомки доблестных отцов-основателей разбрелись по белу свету, и сейчас, спустя многие тысячелетия, влачат существование, превратившись в живых игрушек для Друзей.

Узик с горечью поведал, что были утеряны легендарные сокровища Шмяука и его потомков, а также пропали хроники начальных лет жизни на Земле, которые записывались первыми мяуками точно и без всяких домыслов когтями на больших кожаных листах.

Но среди мяуков до сих пор еще ходит легенда — придет день восстановления Природного единства, и на земле вновь наступит Мир.

— Легенда, мой дорогой друг, — так говорил Узик, — она гласит, что однажды на земле родится мяук, который совершит великий подвиг ради своего любимого Друга. И подвиг этот заставит Друга поверить в Любовь. Заставит Его понять, что

не все в мире так, как мы привыкли считать, быть может... А еще этот мяук, согласно пророчеству, должен восстановить павшую Великую Мяукию... Представь, как было бы здорово! Но главное здесь то, что его подвиги станут знаменем для мяуков и Друзей о приближении момента восстановления Природного единства. Правда, прежде того зло должно восторжествовать на время...

Но Друг всех Друзей и мяуков не оставит нас в беде — придет Его Сын и победит змея и его сподручников... Еще я слышал, что Он уже приходил к Друзьям, но не все Его узнали... И что Он совершил Подвиг, единственно благодаря Которому вообще возможно восстановление Благословенного времени! Но все это — Великая Тайна, удел Друзей, а нам, мяукам, не дано знать что-либо о Ней... Нам остается только ждать великого Дня... Он придет, и тогда — итогда на земле наступит вечный мир. Под одной яблоней будут играть мяучата и маленькие гавки. И большая молоконосица с радостью будет делиться с ними своим молоком. А Друзья будут петь и веселиться!

— Скажи, — взволнованно мяукнул Шустрик. — А ты веришь, что этот День наступит?

Вместо ответа Узик молча посмотрел на своего молодого товарища. Потом несколько раз лизнул правую лапу и постучал по полу кончиком хвоста.

— Скажи мне ты, — затем сказал он, — Скажи, разве можно жить без надежды? Без веры в Любовь, в Дружбу, в хороший конец для всей нашей истории?

— Я раньше как-то не задумывался об этом... Но сейчас полагаю, что нет!

— Ну, вот и хорошо... Что-то Подруга запаздывает, а в мисках пусто...

— Ты не хочешь говорить об этом?

— Шустрик, я прошу тебя, давай сменим тему...

Узик предпочитал не рассказывать о мучивших его сомнениях — не хотел, чтобы они поселились и в душе мяученка... Ему было бы приятно верить во все, что рассказывал ему дедушка, но окружавшая его среда давала слишком мало подтверждений всем этим легендам... Да, Подруга кормила и ласкала его, но видеть в ней высшее существо, поставленное над ним Другом Всех Друзей и мяуков... А тем более — в Соседе-Алкаше! Потом, если будет мир между всеми существами и никто не будет никого убивать, то откуда же возьмется мяусо? А мяукам, как известно, без мяуса не прожить! Слишком много было сложностей... Но все же, если бы он увидел своими глазами мяука из пророчества... Кто знает...

— Кстати, у меня для тебя потрясающая

новость! — вдруг вспомнил Узик.

— Какая? — радостно мяукнул Шустрик.

— Завтра в гости к Подруге придет Сын ее Сына. Я много слышал о Нем. И я хочу тебе сказать, что у меня есть некое предчувствие — Он может взять тебя к Себе.

— Неужели? — Шустрик был счастлив.

— Да, парень. Мои предчувствия обычно сбываются. Пока я не могу сказать точно, но очень может быть, что и возьмет.

Шустрик от радости заскакал по лежанке Подруги. Он так обрадовался, что забыл обо всем на свете.

— Знаешь, Узик, я должен тебе признаться, — откровенно мяукнул он. — Это хорошо, если завтра у меня появится новый Друг. Я не хочу мешать тебе в твоих партнерских отношениях с Подругой. И потом, я же знаю, что она взяла меня не добровольно, а потому что мы ее вынудили, и тебя она всегда будет любить больше, чем меня...

Узик не стал спорить. Наступила пауза. Мяуки с симпатией смотрели друг на друга, понимая, что, вероятнее всего, скоро им придется надолго расстаться. Возможно, навсегда.

— Да, я забыл тебе рассказать об одной важной вещи, — вдруг сказал Узик.

— О чем?

— Мяума тебе не говорила о тысячелетней

войне?

— Нет, а в чем дело?

— Я рассказывал тебе, что между сыроедками и мяуками во все времена шли жестокие войны. Мир так и не был заключен. И за последнюю тысячу лет сыроедки активизировались. Они нападают на одиноких мяуков, уничтожают запасы еды Друзей, разносят по Дружеским городам болезни, держат в страхе и ужасе всех и вся. Одинокие мяуки собираются в отряды и ведут против них боевые действия. Ситуация на фронте сложная.

Шустрик внимательно слушал.

— Я знаю, — мяукнул Узик, угадав мысли молодого товарища. — Я знаю, ты хочешь спросить меня, откуда мне все это известно, ведь я домашний мяук? Я скажу. Когда я был помоложе, то возглавлял разведгруппу на западном фронте. Там дела были особенно плохи. Но... однажды моя группа попала в засаду... — Узик замолчал. Потом с усилием продолжил: — И все мои товарищи погибли. Кроме меня. Пять моих лучших друзей погибли на моих глазах от зубов и когтей безжалостных убийц! Пять моих братьев. Мне повезло — я остался в живых. Но... после этой катастрофы я решил для себя, что больше никогда не заточу когтей для сражения. Я ушел и... мне повезло: я вступил в равноправные партнерские

отношения с Подругой.

Шустрик с сочувствием смотрел на страдания друга. Он понимал — Узик считает себя виновным в случившейся беде.

— Ты не должен винить себя в этом поражении, — коснувшись лапой друга, сказал он. — Ведь ты сделал все, что мог!

— А кто виноват? Кто? — с горечью спросил Узик. — Мне до сих пор снятся кошмары, в которых я слышу мерзкое верещание крыс и вижу, как друзья погибают в неравной схватке!

Они помолчали.

— Скажи, — спросил Шустрик. — Скажи, почему так сложно победить сыроедок?

— Все дело в том, что они слишком быстро плодятся, — подумав, ответил Узик. — Я слышал от братьев, которые слышали от своих товарищей, что крысы — страшный враг, с которым не способны справиться даже Друзья. Они размножаются так быстро, что за год одна крысиная пара дает несколько тысяч потомков. Крысы могут прогрызть любую преграду. Любую. Могут провести в воде несколько дней. Могут лазить по отвесной стене на крыши даже самых высоких жилищ Друзей. В жарких землях, как мне рассказывали, крысы уничтожают не только серый хлеб, растущий на земле, но и белый хлеб Друзей, растущий в воде, который в наших местах

называют рисом. Они переносят болезни, страшные болезни! Они абсолютно всеядны. Друзья пытаются их уничтожить. Они даже придумали для них еду, несущую смерть. Но крысы научились привыкать даже к этой пище.

Шустрик думал. Он понимал — шансов в борьбе с крысами немного. Здесь нужна не сила, а хитрость.

— Я говорю тебе это, потому что люблю, как брата, желаю тебе добра, и хочу предостеречь. Если придется иметь дело с сыроедками, знай — с ними шутки плохи. Ты молод, набирайся опыта. Может быть, когда-нибудь ты и сразишься с ними...

— Спасибо тебе, Узик!

— Теперь поговорим о предстоящем визите Друга. Хочу предложить тебе сделать одну вещь. Друзья считают ее очень важной. Мы не знаем, когда придет этот Друг — Внук Подруги. Но тебе не стоит ходить в туалет до Его прихода. Лучше потерпеть. Я знаю, что это довольно трудно. Но зато, когда придет Друг, ты можешь сразу побежать к туалету и сделать свое дело. Главное, чтобы Он это увидел! Улавливаешь? Друг сразу поймет, что ты пригоден для партнерских отношений. Они это называют «к лотку приученный».

— Слушай, а почему для Друзей так важно, чтобы мы ходили в туалет в одном месте, которое они для нас приготовили? В жилище столько

уголков, удобных для этой цели... Да и метить территорию нам нужно. А запах от поддона, когда все время в него ходишь, становится просто ужасным! Как они не понимают этого?

— Не знаю, парень. Я сам поначалу, по своей неопытности, возмущался, и ходил, куда хотел. Вроде, все в укромных уголках, все шито-крыто. Ха! Не тут то было! Подруга как-то находила мои «тайники», и мне так больно доставалось! Она мне всю задницу отбила! И тыкала носом в этот постылый туалет — мол, сюда ходи, паршивец, сюда! Кошмар! Вывод — ходи, куда заповедано Ими. Конечно, в Законах о такой поправке ничего не сказано, но что поделаешь... Мало справедливости на белом свете... Быть мяуком — это не только великая честь и ответственность. Это еще и выпоротая задница! А сейчас я покажу тебе кое-что.

— Что? — удивился тот.

Вместо ответа Узик с быстротой молнии бросился на друга и с легкостью повалил его на пол. Не успел Шустрик опомниться, как острые когти товарища были у его горла.

— Что ты делаешь? — с потрясением прохрипел Шустрик. — Я обидел тебя?

Узик втянул когти и засмеялся.

— Да нет, что ты! Но разве ты никогда не слышал про боевую борьбу мяу-мяуцу?

— Не-ет, — Шустрик встал, отряхнулся и слегка пригладил языком взъерошенную шерсть.

— Я тебя научу.

В оставшееся до ночи время Узик многому успел научить своего товарища. Принципы борьбы мяу-мяуцу были очень простыми, но они требовали максимальной концентрации, а также терпения, наблюдательности, скорости.

— Ты справишься, — сказал Узик после особенно сложного упражнения, которое называлось «коготь смерти».

— Спасибо.

— Главный принцип борьбы — действие должно опережать мысль. Всегда об этом помни. Не жди, пока твой соперник совершит атаку. Атакуй сам.

— Понял.

Глава шестая. Знакомство с Другом

Следующее утро выдалось для Узика и Шустрика очень хлопотным. Проснувшись, они уселись умываться. Не все Друзья знают об этом, но на шерсти у мяуков находится особое вещество, которое успокаивает их и поднимает им настроение. Поэтому мяуки умываются с таким удовольствием. Когда друзья закончили свой утренний туалет, то были такими красивыми, что

просто глаз не оторвать! И спокойными, как слоны.

Потом они стали репетировать игры. Их целью было продемонстрировать молодому Другу, каким умным мяуком являлся Шустрик. Подкрепившись, они уселись в уголке и стали дожидаться Гостя.

Подруга тоже была очень занята. С самого утра она суетилась в пищевой части жилища — оттуда доносились такие вкусные запахи, что друзья, не выдержав, туда частенько забегали. Между собой они называли это «корм-разведкой»!

Подруга что-то кромсала и лепила на столе (подозрительно пахло мясом, но не только им — другими продуктами тоже). Потом она сотворила огонь, и перенесла его в коробку в углу. Потом она взяла железную плоскую штуку, на которой лежали белые круглешочки, и засунула эту штуку в горячую коробку. Для Шустрика, конечно, было непонятно, почему Друзья не едят белые круглешочки сразу, а засовывают их в горячий шкаф. Потом круглешочки были уже не белые... Странно.

Затем Узик продолжил наставлять Шустрика. Мяуки должны были показать Другу, что Шустрик в полной мере достоин установления с ним равноправных партнерских отношений.

— Ты, парень, должен продемонстрировать свои неоспоримые преимущества. У тебя большие

глаза? Большие! Покажи их! Смотри на Него почаще, можно — с поволокой безнадежной тоски, чтобы разжалобить! У тебя пушистый хвост? Пушистый! Распуши его! Походи прямо перед Другом с хвостом торчком вверх — Он точно будет просто очарован! — напутствовал товарища Узик. — Помни, все — в твоих лапах! Пусть Друзья думают, что для них мы — живые игрушки. Вот наивные! Скорее уж тогда Они для нас игрушки, ведь Ими с такой легкостью можно управлять! Мы отлично маскируемся, прикидываясь дурнями. Это очень выгодно... Пускай недалекие гавки берут на себя эту ношу — постоянно выслуживаться перед Друзьями. Пускай кичатся своим так называемым интеллектом и близостью к чловяукам. Но хватит об этих подхалимах, не имеющих никакого понятия о чувстве собственного достоинства! Лучше сконцентрируйся на чловяуках. Ты должен знать — Друзья не понимают очень многих вещей! Они ничего не знают ни о нашей древней цивилизации, ни о мяучьем языке, ни о легендарных сокровищах прамяуков! Для Них мы — развлечение, нас как личностей не существует. Но при этом имей в виду — все-таки ты сам должен помнить, что Друг — личность! Он достоин уважения. Если поймешь, что Он — личность, прочувствуешь это, то и Он в конце концов признает, что ты — личность. И тогда международный Закон Обязательного Кормления

будет работать для тебя без сбоев! Есть еще один важный момент, запомни его на всю жизнь: никогда не показывай чело­вьяукам, что понимаешь их язык. Так завещали отцы. Пусть гавки делают вид, что всегда понимают Друзей. Да, многое они действительно понимают, как и мы. Но показывать это нельзя, иначе проблем не оберешься! Здесь — мудрость и хитрость. Можно только иногда, частично, демонстрировать свою смекалку. Помни об этом.

Шустрик слушал все это, наострив уши, и тихонько мурлыкал. Задача была очень серьезная, но он должен был справиться.

— Скажи, а почему все-таки нам не положено проявлять свою любовь к Друзьям так же открыто и непосредственно, как делают это гавки? — спросил Шустрик.

— Фрр! Неужели сам не понимаешь? Да Чело­вьяуки просто сядут нам на шею. Кто-то должен, все-таки, держать Их в узде! Про это даже анекдот есть. Вот кто умней: мяуки или гавки?

— Мяуки! — не колеблясь ни секунды, ответил Шустрик.

— Почему? — спросил Узик.

А действительно, почему? Шустрик стал думать — как ответить, чтобы было смешно и остроумно?

— Сдаюсь! — признался он. — Почему?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы десять мяуков волокли по тундре сани с поклажей и чукчей?

Оба весело зафыркали. Они как-то раз видели по ящику, который Друзья называли телевизором, как гавки тащили по снегу большую тяжелую повозку с человяуком, завернутым в толстые, теплые тряпки.

«А как все-таки хорошо, что у меня есть друг!» — подумали оба.

— Ты — настоящий товарищ! — с чувством сказал Шустрик. — Спасибо тебе за все!

— «Каждый мяук другому — брат!» — ответил Узик словами из мяучьего гимна и ласково потерялся о бок своего протеже. — Все будет в сметане!

— А если Друг заключит со мной партнерские отношения, мы будем видеться? — взволнованно спросил Шустрик. — Как ты думаешь?

Узик промолчал, как будто не слышал вопроса.

«Значит, скорее всего, не будем...»

Он понял и решил не переспрашивать — ведь они оба, будучи мяуками, обладали даром предсказания судьбы друзей и родственников. Это было хорошо, но иногда это открывало не очень приятное будущее. И становилось тяжело. Сейчас Шустрик осознал, что в ближайшее время они

точно не увидятся, а Узик смутно предчувствовал, что Шустрику предстоит совершить великий подвиг, который перевернет ход мяучьей истории... Уж не Пророчество ли он должен исполнить?... Эти подозрения не давали покоя склонному к скепсису мяуку, и ему было над чем поразмыслить. При этом Узик не знал достоверно, возьмет ли сейчас Друг Шустрика или нет. Да, Узик с Шустриком должны были расстаться, но Подруга вполне могла избавиться от бедолаги и без Внука. Иногда на Нее находило такое желание, особенно когда Шустрик изредка нарушал «неписанную поправку» про туалет. А если Она так поступит, мяученку грозят новые опасности...

— Ну, удачи! — тихонько мяукнул Узик. — Удачи, друг!

Растроганный Шустрик сглотнул и молча отвернулся.

Наконец в прихожей раздался противный звук. Друзья знали — этот звук издавало устройство, оповещавшее Подругу, что кто-то пришел. Это был Он!

— Иду, иду, — заговорила Подруга. — Иду, Сашенька!

Она сняла приятно пахнущую едой тряпку, которую вешала на себя, когда готовила, и устремилась к выходу.

Дверь открылась, и на пороге показался